

ОТ «ЧЕРНОЗЕМНОГО ТЕЛЕМАКА» К «СТРАННИКУ».
ИСТОРИЯ И ПРИЧИНЫ ИЗМЕНЕНИЯ ЗАГЛАВИЯ
ПОВЕСТИ Н. С. ЛЕСКОВА
«ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК»

Переименование заглавий произведений писателя – нехарактерная для творчества Н. С. Лескова черта. Под первоначальным заглавием – «Черноземный Телемак» произведение предоставлено в «Русский вестник», неоднократно упоминается в редакционной переписке вплоть до лета 1873 г. и посредством «правой руки» Каткова Н. А. Любимова отклоняется от издания, после чего в газете «Русский мир» следует окончательное наименование – «Очарованный странник».

Ситуация, сложившаяся вокруг издания «Очарованного странника», побуждает искать внешние причины. Как правило, в других случаях причинами изменения заглавия являются либо скандальная известность произведения («Соборяне»), либо цензурные препоны («Заячий ремиз», «Гора», «Детские годы») и т. д. Писатель особенно ценит первую номинацию своих работ, продиктованную порывом первого впечатления, и до последней возможности их отстаивает. В одном из писем к редактору «Исторического вестника» С. Н. Шубинскому Лесков, рассерженный просьбой сменить заглавие рассказа, негодует: «Замечание Ваше о заглавии – неверно. Заглавие метко и едко... Далее я ничего предлагать не могу и не желаю. Я даю заглавие по первому впечатлению. Все, что Вы пойдете выдумывать, – будет хуже. При несогласии Вашем на одно из этих заглавий прошу Вас немедленно рукопись мне возвратить».¹ И через некоторое время вновь к тому же лицу: «Больше я не могу ничего придумывать, все это, по-моему, напрасные хлопоты».² Какова же причина, побудившая Н. С. Лескова убрать заглавие, данное «по первому впечатлению», и значит, лучшее в оценке писателя.

Изменение заглавия обусловлено общей ситуацией, сложившейся вокруг Н. С. Лескова 1870–1875 гг. Характерологическая особенность указанного периода состоит в том, что начало творчества писателя (70-е гг.) озаменовано резонансом публикации лесковских антиинигилистических романов «Некуда», «На ножах». Писатель неоднократно объяснял, «что значит быть автором «Некуда». «После этого и деться некуда», – пишет Лесков к И. С. Аксакову.³ Неудивительно поэтому, что после «отвержения от литературы», он долгое время вынужденно вращался в так называемом «ортодоксально-консервативном лагере», возглавляемом издателем «Русского вестника» М. Н. Катковым. Вход в другие редакции после «аттестации» Д. И. Писарева длительное время был закрыт. «Не укоряйте меня в том, что я работал, – апеллирует писатель к А. С. Суворину – Это страшная драма! Я работал что брали, а не что

я хотел работать. От этого воспоминания кровь кипит в жилах. Героем быть трудно, когда голод и холод терзает, и я еще был не один. Я предпочел меньшее: остаться честным человеком...».⁴

В письме к издателю Н.С. Лесков, конечно, сгущает краски, говоря, что работал на заказ, «что брали» Художественная форма произведений, созданных в данный период, их идейное содержание – лучшее тому доказательство. Справлять работу в «Русском вестнике» для Лескова вовсе не значило полностью разделять взгляды и убеждения «москофилов». Писатель всегда и везде: в общении с редакторами журналов, в частной переписке, публицистических работах на газетных и журнальных страницах, прямо и косвенно в художественных произведениях – заявлял о своей личностной мировоззренческой суверенности, разрушая тем самым современный ему образец писателя «в одном сюжете», писателя одного журнала, одного направления. Само слово «направление» было ему ненавистно. В письме к П.К. Щебальскому 1875г. Лесков негодует: «Эти бедные люди думают, что образ мыслей человека зависит от Каткова или от Некрасова, а не истекает органически от всех чувств и понятий».⁵

До 1873г. Лесков напечатал в журнале Каткова более или менее благополучно «романическую хронику» «Соборяне», повесть «Запечатленный ангел». С «Очарованного странника» начинается, говоря словами писателя, «преткновение». По словам Н.А. Любимова, «Михаил Никифорович прочел «Черноземного Телемака» и после колебаний пришел к заключению, что печатать эту вещь будет неудобно...вся вещь кажется ему скорее сырым материалом для выделки фигур, теперь весьма туманных, чем выделанным описанием чего-либо в действительности возможного и происходящего... Он советует вам подождать печатать эту вещь, самый мотив которой может, по его мнению, выделаться во что-либо хорошее».⁶ Традиционно причину отказа видят в непригодных для «Русского вестника» эпизодах, таких как, например, о митрополите Филарете Дроздове и св.Сергии Радонежском, в невыгодном освещении дворянских фигур, отсутствии художественной «выделки» и проч. Каждый из перечисленных мотивов отказа справедлив и не вызывает сомнений, но, вероятно, существует более веская причина неудовлетворенности издателя журнала, коренящаяся не столько в частных смысловых акцентах («неудобных» эпизодах), сколько в полном неприятии замысла произведения, задуманного по аналогии с «прозаической поэмой» Ф. Фенелона «Приключение Телемака, сына Улисса».

Обратимся еще раз к приведенным выше словам Любимова. Передавая слова издателя в «самых общих выражениях», он, как ни парадоксально, буквально воспроизводит суждения Каткова о «Египетских ночах» А.С. Пушкина двенадцатилетней давности. В статье «Наш язык и что такое свистуны» Катков характеризует произведение Пушкина так же, как и «Черноземного Телемака». Катков пишет: «...это только фраг-

мент...это только намек, это только мотив, это несколько чудных аккордов, в которых что-то темно чувствуется, но ничто еще не раскрывается для ясного и полного созерцания... Если 6 из этих мотивов вышла трагедия, она могла бы быть созданием гениальным... Но теперь ничего этого нет, все это только в одном предчувствии, в одном намеке».⁷

Далекий от христианской интерпретации образа Телемака Ф. Фенелона, Катков видит в поэме Лескова отдельные мотивы, прямолинейные намеки, не связанные между собой общей идеей, которые могут быть поняты непосредственно, т.е. нелитературно (в статье автор рассуждает о возможности аморального, нелитературного прочтения образа Клеопатры).⁸ Литературное же прочтение существует для автора статьи только тогда, когда ясная, строго определенная «идея покоряет себе и одухотворяет все частности».⁹ Как и в случае с «Египетскими ночами», для понимания реминисцентного образа о.Измаила (Телемака), по словам Каткова, «надобно слишком много условий, чтобы, кроме прелести стихов и очарования образов, уловить... намеки... внутреннего смысла, который раскрылся бы... для всех доступно, если бы художник совершил свое произведение вполне»¹⁰, а пока в них только «журчащий поток полупонятий, полуобразов и полутонов».¹¹

Издателя не удовлетворяет то, что русскому читателю для «ясного и полного созерцания» идеи, вложенной в произведения, необходимо обращаться, как и в случае с «Черноземным Телемаком», к другой литературной традиции, к другим, чуждым читателям «Русского вестника», идеям.

Русская публика, по мнению Каткова, «мало знакомая с тем рядом идей, которые дают художественный смысл» произведению Н.С. Лескова, поставлена в затруднительное положение, так как идеи, проводимые им, чужды, непонятны и даже опасны в моральном плане для русского общества. Эта особенность, заложенная писателем в самом заглавии произведения, долженствующем, в понимании Н.С. Лескова, «рекомендовать содержание живой повести», следовательно, не могла симпатизировать «московскому уряду мыслей» М.Н. Каткова, ибо «историческая судьба народа нашего так сложилась, что в главных, существенных своих чертах понятие о западном влиянии слилось с более опасным синонимом просветительного и освобождающего влияния».¹²

Ни в «Соборях», ни в «Запечатленном ангеле», напечатанных в 1872–1873 гг. в «Русском вестнике», нет следов западноевропейского влияния, воплощающих собой для косного читателя свободолюбивые идеи. В «Очарованном страннике» прецедент для подозрений и недовольства находился в самом первоначальном заглавии «Черноземный Телемак» и его варианте – «Русский Телемак». Применительно к катковскому отказу можно согласиться с мнением А.Н. Веселовского, что

«яркий (западный. Г.К.) свет невыносим, неудобен для тех, чьи глаза привыкли к полутьме, и для ревнителей безусловной самобытности, и для врагов свободной мысли, охраняющих «вековые устои», и для рьяных соперников европейского просвещения».¹³ Реакционно-консервативному лагерю, равно как и adeptам идей славянофильства 70-х гг первоначальные версии названий поэмы казались неприемлемыми, не отвечающими их запросам и чаяниям. В «прогрессивном» лагере табуистическая тенденция вовсе игнорировала деятельность Н.С. Лескова того «посленекудовского» периода.

В такой ситуации писатель меняет заглавие произведения, ориентируясь главным образом на антизападническую группу читателей, заменяя последний, наиболее значимый смысловой компонент заглавия «Телемак» на более нейтральное слово «странник».

Последствия вторичного наименования налицо: без апелляции к поэме Ф. Фенелона рушилась всякая мотивация сюжетно-композиционного построения произведения, жанрово-стилистических свойств лесковской поэмы. Если в первоначальном виде многочисленные, подчас слабо друг с другом связанные эпизоды жизни о.Измаила выстроены были в сцепленный ряд по подобию со странствованиями, приключениями Телемака, то в окончательной редакции заглавия реминисцентная связь (о.Измаил – Телемак) рушилась, предоставляя возможность видеть в ней отсутствие художественной целостности, а у автора – «отсутствие чувства меры».

Поэтому даже четверть века спустя у Н.К. Михайловского было основание к подобной обобщающей характеристике: ««Очарованный странник». В смысле богатства фабулы это, может быть, самое замечательное из произведений Лескова, но в нем же особенно бросается в глаза отсутствие какого бы то ни было центра, так что и фабулы в нем, собственно говоря, нет, а есть целый ряд фабул, нанизанных, как бусы, на нитку; и каждая бусина сама по себе и может быть очень удачно вынута, заменена другою, а можно еще сколько угодно бусин нанизать на ту же нитку».¹⁴

Как знать, появилась ли бы столь категорическая оценка критиком художественного единства «Очарованного странника», будь ее заглавием одна из первоначальных версий: «Русский Телемак» или «Черноземный Телемак»? В любом случае авторская мотивация сложного единства через реминисцентный символический подтекст образа о.Измаила (о.Измаил – Телемак), думаем, удержала бы от столь резкого отзыва.

Примечания

1. Лесков Н.С. Собрание сочинений: В XI т. М., 1958. Т. XI. С. 298–299.
2. Фаресов А.И. Против течений. Н.С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем. СПб., 1904. С. 171; Лесков Н.С. Собрание сочинений: В XI т. М. 1958. Т. XI. С. 690.

3. Лесков Н.С. Собрание сочинений: В XI т. М. 1958. Т. XI. С. 255.
4. Там же. С. 385.
5. Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. М.; Л. 1940. С. 330.
6. Лесков Н.С. Собрание сочинений: В XI т. М. 1957. Т. IV. С. 551.
7. Катков М.Н. Наш язык и что такое свистуны // Русский вестник. Журнал литературный и политический. – 1861. Т. 32. С. 33.
8. См.: Штедтке К. «Египетские ночи» и вопрос об искусстве (К проблеме интекста в статье Достоевского «Ответ русскому вестнику») // Семиотика пространства и пространство семиотики. Тарту, 1986. С. 133.
9. Катков М.Н. Наш язык и что такое свистуны // Русский вестник. Журнал литературный и политический. 1861. Т. 32. С. 33.
10. Там же. С. 33.
11. Там же. С. 16.
12. Веселовский А. Западное влияние в новой русской литературе. М., 1916. С. 5.
13. Там же. С. 5.
14. Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. СПб., 1914. Т. 8. С. 642.

© А.В. Кубасов
Екатеринбург

ДИАЛОГИЗУЮЩИЙ ФОН В «РАССКАЗЕ ГОСПОЖИ NN» А.П. ЧЕХОВА

«Рассказ госпожи NN» был напечатан в рождественском номере «Петербургской газеты» за 1887 год. Если к рассказу подходить с мерками стилизации, то заголовок его, больше похожий на подзаголовок, можно понимать двояко: «госпожа NN» истолковывается не только как герой-рассказчик, но и как некий зашифрованный автор, которому якобы приписывается произведение.

В публикации «Петербургской газеты» у рассказа было другое заглавие, обнажающее прием мнимого авторства: «Зимние слезы. Из записок княжны NN» (6, 705). Рассказ имитировал мемуарный жанр (ср.: «Скучная история. Из записок старого человека»). Обратим внимание на намеренную абсурдность первоначального заглавия. Абсурд порождается нарушением лексической валентности: ведь если есть «зимние слезы», то допустимы слезы «летние», «весенние» или «осенние». Кроме того, слово «слезы» является скрыто профанным, что связано с его прикрепленностью к сентиментальному повествовательному узусу. «Слезы» – лексическая и психологическая доминанта сентиментальной литературы.

Важно и другое. В сознании читателей минувшего века сложился определенный набор ходовых рифм. Обыгрывание литературных сте-

114